

УДК 821.161.1.09 Гумилёв Н.С.

Сотова Т.О.

Московский государственный областной университет

**СБОРНИК СТИХОВ «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН» Н.С. ГУМИЛЁВА.
МИРОВОЗЗРЕНИЕ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ
И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ПЕРЕВОДЧИКА**

Аннотация: в статье исследуется сборник стихов Н.С. Гумилёва «Фарфоровый павильон» (1918), в который вошли переводы стихотворений китайских поэтов VII-XIX веков. Проводятся параллели с «китайскими стихотворениями» Н.С. Гумилёва более раннего периода (сборники «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916)), а также с творчеством малоизвестной поэтессы Серебряного века М. Лёвберг. Привлекаются сведения из истории китайской поэзии. Аргументируется точка зрения, согласно которой «Фарфоровый павильон» является отражением духовных метаморфоз Гумилёва в 1914-1918 гг. *Ключевые слова:* Восток, духовный кризис, Европа, Китай, китайская поэзия, культура, лирический герой.

T. Sotova

Moscow State Regional University

**N. GUMILEV'S BOOK OF POEMS "PORCELAIN PAVILION".
OUTLOOK OF THE CHINESE POETS AND TRANSLATOR'S ATTITUDE
OF THE TOWARDS THEM**

Abstract. This article explores N. Gumilev's collection of poems "Porcelain Pavilion" (1918), which included translations of poems by Chinese poets of VII-XIX centuries. Parallels are drawn with the N. Gumilev's «Chinese poems» of earlier period (collections "Pearl" (1910), "Alien Sky" (1912), "Quiver" (1916)), as well as with the works of a little-known poet of the Silver Age M. Levberg. The author also looked into the history of Chinese poetry. The point of view is proved according to which "Porcelain Pavilion" is a reflection of the spiritual metamorphosis of Gumilev in 1914-1918s.

Key words: East, spiritual crisis, Europe, China, Chinese poetry, culture, lyrical hero.

За Николаем Гумилевым ещё при его жизни закрепилась репутация «певца дальних странствий». Однако интерес поэта к чужим культурам отнюдь не исчерпывался любовью с экзотикой и желанием удивить читателя. Гумилёв – поэт-исследователь, цель которого выявить и постичь движущие процессы истории человечества.

© Сотова Т.О., 2014.

Даже обращаясь к экзотическим, с точки зрения русского человека, культурам Африки, Индии или Китая, поэт стремился найти и восстановить по крупицам некое великое истинное знание о предназначении человека.

Выбор стран видится здесь отнюдь не случайным. Вполне возможно, он стал отражением общих тенденций, характерных для европейской культу-

ры XIX-XX веков. В этот период западное, равно как и российское, общество охватывает волна увлечения Востоком. Во многом этому способствовала колониальная политика западных держав, а также выход из многовековой изоляции таких стран, как Япония и Китай. В поисках выхода из того духовного тупика, в котором оказалась западная культура, представители интеллектуальной элиты обращались к культурному наследию буддийских стран (Индия, Китай, Япония, Корея) и мусульманского Востока. Эти цивилизации, имевшие более древнюю, нежели европейская, историю, создавшие великую культуру ещё в те времена, когда западный мир пребывал в варварском состоянии, виделись носителями «истинного знания», утраченного человеком Запада в его погоне за практическими изобретениями и материальными благами. Широкой популярностью на рубеже веков пользуются восточные религии и культы, а также основанные на них разного рода эзотерические учения, распространение получают идеи видных мистических философов. «Восточные увлечения» носили самый широкий характер и были характерны не только для «лучших умов», остро сознававших кризис привычных ценностей, но и для людей, в общем-то, далёких от культурных вопросов. Для последних этот интерес был также следствием духовного кризиса привычных ценностей, ощущаемого скорее интуитивно.

Увлечение всевозможной мистикой и восточными культурами не обошло стороной и Россию, жившую в начале XX века в лихорадочном предчувствии надвигающейся революции. Показательно, что именно в предре-

волюционной России появились известные впоследствии во всем мире пропагандисты восточных учений как Г.И. Гурджиев, Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи. У русской интеллигенции подобные тенденции вызывали противоречивые чувства, варьировавшиеся от восхищения до страха. О своем страхе перед «восточной угрозой» откровенно говорил известный русский философ Владимир Соловьёв, видевший главную опасность для европейской цивилизации в лице Китая. Свою точку зрения Соловьёв изложил в статье «Китай и Европа» (1890 г.). Опасность китайской нации заключается в её способности с лёгкостью перенимать европейские достижения при абсолютном нежелании менять свой менталитет и жизненный уклад. Христианской культуре Европы и России Соловьёв противопоставил учение Конфуция. Эта исповедуемая китайцами религия чужда христианству, провозглашающему идеи любви ко всему живому, равенства всех людей перед богом и ценность человеческой жизни. Конфуцианство предлагает человеку жить в духе коллективизма, заботиться лишь о благе своих родных, ставить практическую пользу превыше милосердия и отвергает людей, каким-либо образом приступивших социальные нормы. Не менее опасным видится автору и даосим, проповедующий стремление к полному безличию и отказу от прогресса [7, с. 369-370]. Философ цитирует Лао-цзы: «Мудрый и святой человек постоянно и всячески заботится о том, чтобы сделать свой народ невежественным и лишённым желаний» [7, с. 369-370]; «Если вы откажетесь от мудрости и бросите благоразумие, то народ станет во сто раз счастливее;

если вы откажетесь от человеколюбия и бросите справедливость, то народ вернётся к сыновней почтительности» [7, с. 369-370]. Народ, руководствующийся такой философией, крайне опасен, а стремление китайцев освоить достижения европейской науки не оставляет сомнений в их стремлении к экспансии. В статье «Враг с Востока» Соловьёв более краток и резок: Европе и России угрожает культурная экспансия индийских и тибетских просветителей: «<...> Дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» [8, с. 408].

Н.С. Гумилеву, судя по поэтическому творчеству, ни Китай, ни восточная культура в целом не виделись чем-то враждебным. Интерес к восточным культурам имел для него глубоко личную мотивацию. Собственные духовные поиски для поэта важнее современного ему Китая и перспектив его развития. Пик увлечения Гумилёва Востоком пришёлся на 1917-1921 гг. – последние годы первой мировой войны и начало революционных катаклизмов в России. Для поэта этот период был связан с духовным подъёмом, заставившим увидеть в новом свете привычные ценности.

Произошедшая с поэтом внутренняя метаморфоза в полной мере нашла своё отражение в сборнике стихов «Фарфоровый павильон» (1918). Основную его часть составляют переводы стихов китайских поэтов разных

веков. Необходимо отметить, что китайского языка Гумилёв не знал; все стихи были переведены с французского и взяты из антологии китайских поэтов, составленной Теофилом Готье.

Однако «Фарфоровый павильон» был далеко не первым случаем обращения Гумилёва к «китайской теме». Китай появляется в творчестве поэта приблизительно с 1910-х годов, при этом китайские стихотворения Гумилёва дают хорошую возможность проследить, как менялся внутренний мир их автора, происходило его духовное взросление. Стихотворение «Путешествие в Китай» («Жемчуга» (1910) можно охарактеризовать как совершенно типичное для гумилевской «Музы Дальних Странствий». В странствие на Восток отправляются герои стихотворения – европейские моряки. Их цель – Китай, который сами путешественники определяют как «далёкий». Однако речь идёт явно не о современниках поэта: Гумилёв отсылает своего читателя к эпохе Великих географических открытий и персонажами стихотворения оказываются люди периода Возрождения. В качестве дополнительного временного ориентира в стихотворении появляется «мэтр Раблэ». Вполне возможно, что это не кто иной, как сам Франсуа Рабле – один из крупнейших французских писателей эпохи Ренессанса. По воле поэта автор знаменитого романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» оказался на плывущем в Китай корабле в компании развесёлых матросов. С той же долей вероятности можно предположить, что данный персонаж – однофамилец великого писателя-гуманиста, наделённый теми же, что и Рабле, чертами характера: жизнелюбием, избытком телес-

ности, пристрастием к вину и кутежам, склонностью к бродячей жизни. Схожие качества присущи и его спутникам, скрашивающим длительное плавание выпивкой и безудержным весельем, что невольно вызывает ассоциацию с картиной Иеронима Босха «Корабль дураков» (ок. 1500 г.). Герои Гумилёва – мореплаватели, бесшабашные искатели приключений. Отправиться за тридевять земель их вынудили отнюдь не торговые дела и даже не жажда географических открытий, ведь Китай в ту эпоху был уже немного известен европейцам благодаря Марко Поло, а европейские купцы довольно успешно торговали китайскими товарами (правда чаще при посредничестве арабских и персидских торговцев). Героями стихотворения движет стремление уйти от привычного им опостылевшего мира, их души полны тоски и разочарования, единственным средством избавления от которых видится отплытие в далекую таинственную страну, какой для западного человека той эпохи был Китай:

*Все мы знали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далёкий Китай* [2, с. 80].

Им, испытавшим всё авантюристам, этот экзотический край представляется идеальным местом, где они, наконец, смогут обрести утешение, вернуть покой и радость опустошённой душе:

*Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом кабаду,
Душу исполнит нам жгучей
страстью
Смуглый ребёнок в чайном саду* [2, с. 80].

О том, насколько глубока эта душевная опустошённость, говорит хотя бы финальное восклицание героев стихотворения:

*Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим
смерть!* [2, с. 80]

Закономерно возникает вопрос: не является ли это «путешествие в Китай» неким символом? Не напоминают гумилёвские моряки своими чувствами и чаяниями современников поэта, искавших в «экзотических» восточных культурах и религиозных учениях отвлечения от духовного кризиса, охватившего Европу на рубеже столетий?

Приблизительные ответы на эти вопросы можно обнаружить в двух «китайских стихотворениях» последующих лет. Первое из них, «Я верил, я думал», было включено в сборник «Чужое небо» (1912). С духовно-психологической точки зрения здесь имеет место ситуация, отчасти схожая с той, что и в «Путешествии в Китай». Лирический герой обнаруживает себя в своего рода духовном тупике. Человек совершенно одинок и беззащитен перед лицом бытия, кажется, что даже Бог покинул его, предоставив полную свободу в поисках собственного пути. Однако такая свобода на поверку оказывается самым страшным испытанием. Собственных духовных сил и внутреннего потенциала, как бы велики они ни были, не достаточно, чтобы поддержать личность на жизненном пути, возникает опасность срыва:

*Летящей горю за мною несётся
Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает,
как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну
сорвётся Гора.*

*Я знаю, я знаю, дорога моя беспо-
лезна.*

*И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам
вдохновение,
И если я ведаю тайны – поэт, ча-
родей,*

*Властитель вселенной – тем бу-
дет страшнее паденье [2, с. 110].*

Перед нами кризис мировоззрения, который переживает человек, свято веривший в силу своего разума, в то, что он «царь Вселенной», и осознавший в итоге всю иллюзорность своего могущества. В какой-то степени это практическое вживание в мироощущение Сверхчеловека Ницше, идеями которого в юности был увлечён Гумилёв. В более широком смысле это кризис всего европейского общества с его системой ценностей и верой во всеисилье человеческого разума. Европейская гуманистическая мысль, провозгласившая человека величайшей ценностью, будучи доведённой до абсурда, породила ницшеовское обобщение в образе Сверхчеловека. Таким образом, ницшеанская философия стала своеобразным символом упадка европейского гуманизма.

Обнаружив себя в кризисной ситуации, и отдельный человек, и целое общество начинают поиски альтернативной идеи, которая обеспечила бы возможность выхода из тупика. Достаточно символично, что в той части стихотворения, где говорится о возможности обретения героем душевного равновесия, речь заходит о Китае. Однако теперь это не просто далёкая страна... В контексте данного стихотворения Китай скорее сравним с «Индией духа» из стихотворения «Заблудившийся трамвай»:

*И вот мне приснилось, что сердце
моё не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в
жёлтом Китае
На пагоде пестрой... висит и
приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавли-
ные стаи [2, с. 110].*

Экзотическая страна вновь ассоциируется с обретением внутренней гармонии, однако в данном случае «экзотика» обрисована гораздо мягче, нежели в «Путешествии в Китай» и, не имеет довлеющего значения. Миниатюрно-игрушечный, напоминающий рисунок на фарфоровой вазе, этот Китай в стиле «шинуазри» опять видится тихой райской гаванью для измученной души. Герою стихотворения кажется, а точнее, снится, что он каким-то образом обрёл душевный покой, ему было открыто некое тайное знание, символически воплощением которого становится китайская девушка:

*А тихая девушка в платье из
красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цве-
ты и драконы,
С поджатыми ножками смо-
трит без мыслей и снов,
Внимательно слушая лёгкие, лёг-
кие звоны» [2, с. 110].*

Истина, которую невозможно передать словами, которая может быть постигнута лишь путём созерцания и единения с окружающим миром, – одна из центральных тем таких известных восточных учений: буддизма, индуизма и возникшего непосредственно в Китае даосизма. Как уже отмечалось, пристальный интерес Гумилёва к восточным религиям пришёлся на период с 1918-1921 гг.: поэт посещал лекции по буддизму, водил знакомство с Ни-

колаем Рерихом, изучал индийскую культуру. Однако можно утверждать, что путь поэта на Восток начался несколько ранее.

Символически начало этого пути описано в стихотворении «Возвращение» («Колчан», 1916). Путешествие героя в Китай трактуется как возвращение на некую истинную изначальную родину души. Персонаж стихотворения по-прежнему жаждет обрести душевный покой. Но это уже не отчаянный искатель приключений, а смиренный пилигрим, понимающий и смысл своего пути, и его конечную цель. Показательно, что в «Возвращении» совершенно отсутствует экзотический антураж; необходимости в нём больше нет. Теперь лирического героя окружают безбрежные пространства Великой степи:

*Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин...* [2, с. 135]

И опять спутник героя – китаец, выступает на этот раз в роли проводника. Он приводит его к «стене Китая», за которой странник обретёт истину, а вместе с ней гармонию души, которые для него неразделимы. Воплощением этого знания в стихотворении является Будда, а точнее, его изваяние, который герой также видит у «стен Китая»:

*На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.
Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел* [2, с. 135].

Сам герой «Возвращения» в некотором смысле уподобляется Будде: он так же, как некогда царевич Гаутама, покинул свой дом тайно под покровом ночи, чтобы отправиться на поиски истины. А прозрение, которое ему ещё предстоит пережить, вполне может оказаться описанным в буддизме состоянием просветления.

Интересная параллель обнаруживается при сравнении гумилёвских стихов о Китае с «китайским стихотворением» поэтессы Мария Лёвберг (1894-1933).

*Удлинила брови чёрной краской,
Напоила взгляд кошачьей лаской,
Синее надела кимоно.
Посмотрев задумчиво в окно,
Прошептала: «чай – моё вино»,
И решила, что она в Китае.*

*Перед нею чашка золотая.
Нарисованный китаец, полный грёз,
Улыбается, о родине мечтая...
У неё в причёске, вместо роз,
Притаилось золото мимоз.*

*Мы вдвоём, серьёзные, как дети,
Сочиняем вместе сказки эти.
Настоящей жизни больше нет.
Мы, баюкая молчанием наш бред,
Задвигаем шторы на рассвете* [9, с. 124].

Гумилёв и Лёвберг были близко знакомы, она была адресатом его стихотворения «Ты жаворонок в горной высоте» (1915) [9, с. 122]. Стихотворение «Удлинила брови чёрной краской» было написано в 1915 году (на это время пришёлся роман Гумилёва и Лёвберг) [9, с. 122]. Для поэтессы «игра в Китай» – попытка уйти от тягот повседневной «настоящей» жизни (сти-

хотворение создано в разгар первой мировой войны). Эта идея сближает стихотворение по смыслу с гумилёвскими «Путешествием в Китай» и «Я верил, я думал». Однако то, что для Лёвберг всего лишь игра, «сказка», «бред», для поэта важный этап духовного развития, обращение к чужой «экзотической» культуре связано с попыткой разобраться в себе, обрести смысл жизни. Потому и «путешествие в Китай» Гумилёва происходит на духовном, а не на физическом уровне.

В 1918 году в петербургском издательстве «Гиперборей» увидел свет поэтический сборник «Фарфоровый павильон». Как уже отмечалось, большую часть стихов составляли переводы из антологии китайской поэзии Теофила Готье. Несомненно, поэт выбирал для перевода те стихотворения, которые были созвучны его новому душевному настрою и взгляду на мир. Почти все стихотворения сборника созвучны между собой по тематике: покойная созерцательная жизнь в гармонии с природой, преклонение перед красотой (будь то женская красота или красота окружающего мира), радость общения с близкими по духу людьми.

В стихотворении «Я не прожил, я протомился...» («Колчан», 1916), написанном всего за пару лет до выхода «Фарфорового павильона», лирический герой с горечью говорит о своём внутреннем конфликте, о слишком сильной привязанности к земным радостям, собственная жизнь кажется прожитой впустую [2, с. 146]. Однако уже в стихах «Фарфорового павильона» поэтизируется достижение определённой душевной гармонии. Любовь к земной жизни уже не видится чем-то отдаляющим человека от Божествен-

ного. Скорее, наоборот, находясь в единении с миром, человек постигает истинный смысл бытия. Уже само название сборника призвано вызвать ассоциации с таким прекрасным и хрупким материалом, как фарфор, – символом прелестного изящества, хрупкости и ненадёжности земного бытия.

Свое название сборник получил по первому стихотворению, которое является переводом поэта Ли Бо (у Гумилёва Ли-Тай-Пе) (701-762 н.э.). – один из самых выдающихся мастеров слова в китайской классической поэзии. Компания приятелей, собравшаяся в фарфоровом павильоне, чтобы выпить вина и полюбоваться отражением луны в озере, незаметно для себя обретают внутреннюю гармонию, так как им доступна возможность общения друг с другом и с природой. Несколько комическим символом последнего становится их отражение в воде:

*И ясно видно в чистом озере –
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой* [2, с. 176].

Ещё более прозрачно рецепт душевной гармонии представлен в другом переложении стихотворения Ли Бо – «Счастье»:

*И если владеешь ты лёгкой ладью,
Вином и женщиной милой,
Чего тебе надо ещё? Ты во всем
Подобен гениям неба* [2, с. 179].

К 1918 году творчество Ли Бо было уже немного известно в России: отдельные стихи этого поэта переводил Бальмонт. Можно предположить, что Гумилёв был знаком с творчеством

и биографией китайского поэта, тем более, что при сравнении жизненного пути обоих поэтов невольно напрашиваются определённые параллели. О Ли Бо известно, что он прожил довольно бурную жизнь, но при этом никогда не гнался за чинами и богатством. В молодости он успел побывать даосским отшельником, раздал всё своё состояние бедным, затем стал «жэньсе» (так в Китае называли народных рыцарей, бравших на себя защиту слабых и угнетённых), был придворным поэтом, участвовал в антиправительственном восстании, что едва не стоило ему головы, провёл несколько лет в ссылке. Даосизм, которым в молодые годы увлекался Ли Бо, религиозно-философское учение, проповедовавшее достижение просветлённого состояния через единение со вселенной и недеяния. Однако будучи по своей природе человеком, способным глубоко сопереживать чужому горю, поэт так и не сумел стать истинным даосом [6, с. 10-20]. Ли Бо сравнивал самого себя с легендарным буддийским святым Вималакирти. По преданию тот был очень богат, успешно занимался торговлей, имел семью, т. е. жил полноценной мирской жизнью. В истории буддизма Вималакирти – образец праведного мирянина. Он осуждал аскетизм и отказ от мира, истинная праведность, по его мнению, как раз и стояла в самой активной мирской деятельности [6, с. 18]. Интересно, что такой вид праведности знаком и христианской традиции, где существует понятие «мирской подвижник». Гармония с миром, спокойное наслаждение его красотой, умение ценить самые маленькие радости в сочетании с активной жизненной позицией были близки и Гумилёву

и воспринимались им как неотъемлемые качества человека истинного, просветлённого.

Мотивы единения с природой и дружеского общения занимают в сборнике центральное место, что характерно для всей китайской поэзии [1, с. 11-12], а также пейзажная лирика («природа живописуется во всех её проявлениях, воспринимается как нечто одухотворённое, предполагающие взаимопроникновение и даже полное слияние» [1, с. 10]). Стихотворения «Луна на море» (автор оригинала Ли Оэй (IX-X в.) (у Гумилёва – Ли-Сун-Чан), «Отражение гор» (автор оригинала Чан Цзи (у Гумилёва – Чан-Чи) (765-830 гг.), «Природа» (автор оригинала Ван Цзы (XVIII в.) (у Гумилёва – Уан-Тие), «Дорога» (автор оригинала неизвестен), «Соединение» (автор оригинала Соа Нан), «Поэт» (автор оригинала Чан Жо Су (XIX в.) (у Гумилёва – Тан-Ио-Су) объединяют схожие образы и сюжеты. Природа и человек находятся в постоянном взаимодействии. Связь эта настолько неразрывна, что мир природы нередко видится отражением мира людей («Луна на море», «Природа», «Соединение»). Плывущие по небу ночные тучи напоминают лирическому герою «поезд богдыханских жён» («Луна на море»), бамбуковая роща и скалы похожи на городские крыши и пагоды («Природа»), а вечерний ветер «целует осчастливленную воду» подобно влюбленному («Соединение»). «Мне думать весело, что вечная / Природа учится у нас» [2, с. 177], – признаётся поэт в стихотворении «Природа». Действительно, мир природы открыт человеку, он одно с ним целое, и только здесь он способен найти истинное утешение и восстановить нарушенное

душевное равновесие. Понятия «гармония с собой» и «гармония с природой» неразделимы в сознании поэта, ощущающего себя важной частичкой одного великого целого. Своего рода высшая точка такого единения обозначена в стихотворении «Поэт». Герой влюбляется в луну, утверждая, что с ней не способна сравниться ни одна земная женщина. Ему начинает казаться, что и луна отвечает на его чувства. Поэт оказывается своего рода избранником:

Не вовсе чужой я прекрасной богине:

Ответный я чувствую взгляд.

*Ни ветви дерев, ни летучие мыши
Не скроют меня от него.*

Во взоры поэтов, забывших про женщин,

Отрадно смотреться луне,

Как в полные блеска чешуи драконов,

Священных поэтов морей [2, с. 180].

В тех же стихотворениях можно обнаружить стремление придать окружающему миру черты миниатюрности и даже некой искусственности. Наиболее ярко это отражено в стихотворении «Природа», где деревья и скалы преобразаются в городские здания, а маленькое озеро уподобляется наполненной водой чаше. Другой прием, позволяющий ощутить некую миниатюрность и даже иллюзорность мира – показать его отражение в воде. Комическая зарисовка из стихотворения «Фарфоровый павильон», где люди отражаются в озере вниз головой, перекликается с другим стихотворением – «Отражение гор». Лирический герой обретает забытый внутренний покой на горном озере:

*Прежде тысячи были печалей,
Сердце билось, как загнанный зверь,*

И хотело неведомых далей

И хотело еще... но теперь

Я люблю отражения гор

На поверхности чистых озёр [2, с. 177].

Герой стихотворения не жаждет настоящих приключений, но лишь их гармонического отражения и искусстве, символом которого становятся отражения гор в прозрачной водной глади. Стоит заметить, что все картины природы, появляющиеся в стихотворениях сборника, предстают перед читателем в некоем иллюзорно-таинственном ореоле. Зыбкая гладь озера, по которой скользит утлая лодочка, завораживающий свет луны, ночной или вечерний сумрак, придающий предметам размытые очертания – всё это создаёт ощущение сна или видения. Можно удивляться перевороту в мировоззрении поэта, за восемь лет до того заявлявшего:

...Теперь бы кручи необорные,

Снега серебряных вершин

Да тучи сизые и чёрные

Над гулким грохотом лавин! [2, с. 84]

Теперь горы – некогда символ столь желанных жизненных испытаний – привлекают поэта только как отражение в тихом горном озере, а жажда приключений сменилась стремлением к покою и уединению.

Другая важная тема «Фарфорового павильона» – скитания, ей посвящены стихотворения «Странник» и «Дом». Автор оригинала в обоих случаях Ду Фу (712-770) – знаменитый поэт VIII века, друг и младший современник Ли Бо. Стихи по сути

автобиографичны: практически вся сознательная жизнь поэта прошла в бедности и странствиях. В молодости Ду Фу не смог сдать экзамены на государственного чиновника, и это побудило его отправиться в многолетнее путешествие по стране. В более зрелые годы он также много путешествовал: сначала по делам службы, а затем спасаясь от охвативших империю голода и мятежа. Из биографии поэта известно, что умер он в лодке во время переправы через реку Янцзыцзян. Жизненные невзгоды наложили глубокий отпечаток на поэзию Ду Фу, определив её главные темы: бедствия простого народа, непостоянная человеческая судьба, бесконечные странствия [4, с. 5-10]. Стихотворения Ду Фу, включённые Гумилёвым в «Фарфоровый павильон», наиболее характерны для творчества этого поэта. В «Страннике» описывается состояние человека, скитающегося вдали от родины. Сам переводчик в момент работы над переложениями находился в составе дипломатического корпуса в Англии и Франции. Поэту близки мысли о родстве всех городов и весей, несмотря на границы. Это родство обеспечивается внациональными картинами и голосами природы:

*Но природа так ослепительна
Что не вовсе несчастен ты.
Пенье птиц, в ветвях гнездящихся,
Разве чуждый язык тебе?* [2, с. 179]

Но даже эти милые голоса не способны подарить полного забвения: воспоминания о доме возвращаются, и человек вновь мысленно устремляется к родным мечтам:

*Ты поймёшь всю бесконечную
Скорбь, доставшуюся тебе,
И умчишься мыслью к родине,
Заслоняя рукой глаза* [2, с. 179].

Пережитый поэтом духовный кризис был во многом предопределён событиями предыдущих лет. Реалии первой мировой войны, участником которой был Гумилёв, разрушили веру в возможность преобразования человечества через великие потрясения. Бесконечные странствия в поисках новых впечатлений и смысла жизни больше не приносят прежнего удовлетворения. Начиная с 1916-1917 годов в творчестве поэта, много путешествовавшего по чужим странам, как в прямом, так и в поэтическом смысле, начинает звучать «русская тема» («Колчан», «Костёр»). И уже не кажется странным, что перевод стихотворения китайского поэта словно перекликается с строчками из «Старых усадеб» («Колчан», 1916):

*О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты своё возьмишь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?* [2, с. 126]

Ещё одна сила, способная спасти человечество из духовного кризиса, – любовь. Эта мысль нашла отражение в стихотворении «Дом», где лирический герой утрачивает связь со своей прежней жизнью. В огне пожара, словно символизирующего мировые смуты и катаклизмы, сгорело всё, что было ему дорого и близко. «Дом» героя – его прежний внутренний мир – погиб в «очистительном» огне войны, и теперь жизнь, казалось бы, утратила смысл. Но на смену сгоревшим «радостям детства» приходит новое великое чувство:

*Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны. —
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце её [2, с. 180].*

Здесь женщина уже уподобляется луне, она богиня, воплощающая в себе великую тайну жизни. Можно сказать, что любовь – главная тема всего «Фарфорового павильона». Именно она способна дать человеку чувство единения с Вселенной и постигнуть смысл бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Встречи и расставания. Лирика китайских поэтесс I – XX веков // Составление, вступительная статья, примечания, перевод. Басманов М.И., 1993 г. – 351 с.
2. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. – 1148 с.
3. Ду Фу. Сто печалей. – СПб.: Кристалл, 1999. – 576 с.
4. Конрад Н.И. «Восемь стансов об осени» Ду Фу // Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 173-200.
5. Конрад Н.И. // Ли Бо. Нефритовые скалы. – СПб.: Кристалл, 1999. – 384 с.
6. Соловьёв В.С. Китай и Европа // Соловьёв В.С. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 369-370.
7. Соловьёв В.С. Враг с востока // Соловьёв В.С. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 408-425.
8. Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология. Сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. – СПб., ДЕКАН. – 2000. – 240 с.